

Пролог

Дрожь.

Сначала дрожь.

Дрожь настойчиво давит, тянется, ширится, вьется, ветвится, множится, и вот уже десять, двадцать, пятьдесят ее щупалец охватывают тело, пробуждают чувства.

Человек открывает глаза.

Темно... Тихо... Зябко... Хочется пить...

Он оглядывается по сторонам. Тьма его напугала бы, если бы он не знал, где находится. Съезжившись на сыром известняке, он вдыхает бодрящий воздух, который наполняет грудь, будоражит нутро. Сладость бытия... Как это здорово — возродиться! Куда лучше, чем просто родиться...

Дрожь, сделав свое дело, стихает: человек осознал свою телесность.

Ну, хватит лежать в позе эмбриона; человек осторожно поворачивается на спину и тщательно осваивается со своим телом. Усилием воли поднимает руки над головой и сгибает пальцы, суставы хрустят, руки оглаживают грудь, живот, бегут дальше, находят гривку, ощупывают член: жив, голубчик. Человек разминает стопы, наклоняет их в стороны, вращает ими, поднимает ноги. Все отлично работает. И что, никаких последствий, оста-

точных болей? Похоже, нет даже шрама. Его двадцатипятилетнее тело целехонько.

— Ноам...

Имя вибрирует в густой тьме. Отлично, голосовые связки тоже в порядке.

Он хмурится. Отзвуки голоса скачут от стенки к стенке, будоражат воздух; одним лишь словом в ходе Истории люди, кланы, народы и нации угрожали, подавляли и вторгались, но как все это далеко от давнишнего милого ему бесхитростного счастья. Ноам. Как грустно звучит это имя. Ноам. Его не прошепчут ни мать, ни отец. Ноам. Одиночество. Полное одиночество. А потому возрождение хуже рождения...

Он сел и стукнулся теменем о низкий каменный свод. Очумело запустил пальцы в шевелюру, помассировал, пришел в себя. На ощупь стал пробираться в соседнюю каверну.

Где же проход? Ладони ощупывают стенку, встречаются щели, складки и изломы, но отверстия нет. Как? Неужели тот взрыв обрушил породу и заткнул дыру? Он мечется в поисках лазейки, но все тщетно. Это ловушка? Сердце колотится, ладони потеют, и он судорожно хватается ртом воздух.

Успокойся. Начни с начала и действуй методично.

Он встает на колени, делает зарубку и медленно движется вперед, простукивая стену. Один камень подался, другой, третий — вот и брешь.

Он устремляется в нее.

Теперь вправо.

Вспоминает, что где-то тут, справа, оставил рюкзак. Только бы его взрывом не...

Пальцы натываются на влажную, почти живую ткань.

Торопливо вытаскивает оттуда зажигалку. Две-три неудачные попытки — и взметнулся язычок пламени. Ноам жмурится, моргает. Сколько же времени его глаза не видели света?

Освоившись, он принимается разглядывать стены пещеры. Скала — это кожа, сияющая, влажная, с расширенными порами, розовая, чувственная, женская, его влекут эти мягкие складки, вот обозначилась шея, плечо, подмышечная впадина, а вот и лоно, влагалище, клитор, таинственная женская тьма. Ноам вжимается в чрево земли, где тысячелетьями вода сходилась с камнем. Эти очертания созданы влагой, не высечены, а соком земли изваяны.

У него напрягается плоть... забавно... И когда он последний раз занимался любовью?

На дне рюкзака он нащупал свечку, зажег, потом достал белье, штаны, льняную рубашку и сандалии.

Смешно. Вспомнилось, как однажды поутру он выскочил из пещеры голым и перепугал крестьянок.

Он оделся и со свечой в руке двинулся дальше, сворачивая в знакомые проходы. В извилистых коридорах приходилось то протискиваться, то останавливаться, то карабкаться, то подтягиваться с уступа на уступ, то красться узкими галереями — и вот расселина.

Его удивил необычный проблеск. И какие-то шумы.

Что это? В его логово кто-то вторгся? Обычно здесь только вода журчит. Задув свечку, он опасливо подступил к выщербленному пролому в стене.

До него донеслись голоса. Вдалеке еле слышно урчал мотор. Подобравшись к краю, Ноам наклонился и не поверил глазам.

Пещера бурлит жизнью. Ее каменные наросты освещены мощными прожекторами. Прижимаясь к скалам,

вьется дорожка с железными перильцами, то врезаясь в толщу камня, то перекидываясь мостиком между уступами, то расширяясь обзорной площадкой. По дорожке тянется цепочка людей. То и дело появляется какой-нибудь тип, потрясая куцем флажком, ведет очередную группу и что-то им втолковывает. На арабском. На немецком. На английском. На французском.

Ноам затаил дыхание. Кто бы мог подумать, что они подберутся так близко! Осторожно! Никто не должен заметить его на этом выступе.

Присев на корточки в темноте, он видит непривычную игру света — светло-зеленый, с бронзовым отливом, оранжеватый — робких пастельных тонов. Над головой сталактиты, тонкие твердые волоски, пронизывающие скалистую кожу, наподобие редкой щетинки на слоновьей шкуре. В глубине очертания смягчаются, скругляются и поблескивают лаково, похожи на окаменевшие облака, отвердевшие тучи. Повсюду сталактиты и сталагмиты целятся друг в дружку, дают осечку, встречаются и разбегаются. Неумная Природа разгулялась и по капле, из века в век, терпеливо и изобретательно источает буйный декор, то абстрактный, то фигуративный: вот сферы, оползни и гранулы, их скопления геометричны, но нет-нет да и вырвутся на свободу, и вот вам лев, буйвол, разъяренный воин или разгневанное божество. Здесь она водрузила канделябры с оплывающими свечами, там возвела диковинный храм или высекла колоссальные органные трубы, а фоном тянутся кальцитовые портьеры, драпировки и переплетенные шнуры.

Ноам напряженно ищет брешь. Привычная лазейка загромождена строительными работами, и он улизнет отсюда как-то иначе. Да здравствует изобретательность!

Улучив момент, когда вторженцы схлынули, он с рюкзаком за плечами проворно спускается на карниз, пальцы рук и ног ловко перебирают малейшие выступы отвесной стены.

— Что вы делаете?

Резкий окрик на немецком.

Это рыжий верзила в цветастой рубашке окликнул его с площадки. Продолжая спуск, Ноам ответил по-арабски:

— Взятие образцов для лаборатории.

— Что?

Детина не понял, и Ноам повторил по-немецки, но с сильным арабским акцентом:

— Взятие образцов для лаборатории.

— Какой такой лаборатории?

— Ливанское спелеологическое общество.

Ноам брякнул не задумываясь. Молчание. Осталось преодолеть несколько метров...

— Ух, и классный же вы альпинист! — восхитился немец.

— Спасибо, — отозвался Ноам, спрыгивая на бетонную дорожку.

— А где наш язык выучили?

— Год проучился в Гейдельберге.

Ноам прощально махнул и поспешно расстался с собеседником. И куда теперь? Его взбесило, что при первом же за долгие годы контакте с человеком ему пришлось напропалую врать. Добро пожаловать в мир людей! Ну ладно. Парень, который застукал его на спуске по стене, ни за что не заподозрит, что он вылез из потайной каверны.

С неторопливостью коровьего стада приближалась группа туристов. Ноам замедлил шаг, поприветствовал

их неопределенной улыбкой и побрел, опустив голову и стараясь не поскользнуться на сырых камнях.

Опершись о перила, он стал вглядываться в глубокую дыру, карстовый колодец, в котором брезжила спокойная лазурь подземного озера, подсвеченная подводными прожекторами. По озеру ползло плоскодонное суденышко на электрической тяге с десятком пассажиров на борту. Вот откуда шел гул мотора. Итак, обе галереи посещаются: нижняя — на лодках, верхняя — пешком. Раньше лишь редкие одиночки в каске отваживались спускаться в нижнюю, а о существовании верхней никто и не подозревал.

Снова наплывает группа туристов. Щебечут на всех языках. Ноам украдкой разглядывает их одежду: эти ротозеи вырядились в шорты и рубашки поло, и все щеголяют татуировками. Кто они? Неужели сплошь моряки? Или пираты? А ведь и женщины туда же!

Ноам покачал головой. С этим он разберется потом. «Выход».

С волнением он проходит через турникет и попадает в бетонированный туннель. Десять метров. Двадцать. Шестьдесят. Неужели ошибся? Восемьдесят. Девяносто. Наконец забрезжил солнечный свет, Ноам ощутил тепло и вдохнул напоенный ароматами воздух.

Его вынесло на небольшую площадь, кишашую туристами. Солнце слепило, от духоты мутился разум. Чтобы отдышаться, Ноам прислонился к парашету.

Здесь полно торговцев, туземцы продают всякую всячину — кто освежающие напитки, кто мороженое, кто фисташки, кто соленый арахис, кто сувениры: тряпичных кукол, блокноты в нарядном переплете, платки, веера, чашки и ложки. Безучастные к призывам аборигенов, туристы пялятся в маленькие плоские коробочки,

которые держат в руке; некоторые прижимают их к уху и громко говорят с невидимым собеседником. Чудеса... А вот кучка галдящих подростков, и никто ни на кого не обращает внимания. Ноаму это на руку...

Он вытащил из рюкзака флягу и отхлебнул из нее.

Положение дел таково: теперь зубчатая железная дорога и подвесная канатная соединяют нижний грот с верхним, его гротом, доселе никому не известным. Ноам с грустью понимал, что прощается со своим любимым логовом навсегда. Нужно будет подыскать новое убежище, на случай если ему придется...

Нет, не думать об этом!

Он вздыхает.

Бежать. Все время бежать. Вечно...

А зачем?

*

Ноги работают с перегрузкой и несут его по тропе, поглощая километры. Икроножные мышцы закипают, переполняются кровью, его состояние близко к оргазму. Ему нужна разрядка.

Оставив позади окрестности пещер Джейта, он приостановился в безлюдном месте и подкрепился консервированным тунцом, своим любимым перекусом. Оставалось преодолеть восемнадцать километров, отделяющих его от Бейрута. В этой милой долине, усыпанной серыми камнями, поросшей оливами, дубами и лимонными деревьями, ему нужно держаться реки Нахр-аль-Кальб, реки с радужной волной, — она вытекает из пещер и снабжает столицу питьевой водой.

Солнце жарило во всю мочь. Цикады стрекотали так яростно, что казалось, будто ландшафт рассыпается в прах.

Ноам с непривычки обвязал голову носовым платком, защитил глаза ладонью, козырьком приставленной ко лбу, и то и дело останавливался, чтобы сделать глоток воды. По всей округе были разбросаны часовни, монастыри и обители, в которых почитали всевозможных святых. На горизонте бескрайний опаловый отлив окаймлял землю: там было море.

Измученный жарой, Ноам брел, взметая пыль. Опаленный солнцем кустарник не мог предъявить ни цветов, ни плодов. Сухие стебли желтой травы рассыпались под ногами. А оливы, знаменитые оливы, которыми не одну тысячу лет славились эти места, утратили листву; их узловатые корявые корни готовы были вырваться из каменистой почвы и молили о капле воды.

Состояние реки опечалило Ноама: по дну пересохшего ложа робко сочился ручеек, оставляя по сторонам редкие лужицы, которые быстро испарялись.

Пик летней засухи?

Внезапно Ноам увидел пса.

Длиннолапый, поджарый, со свалывшейся шерстью, пес обнюхивал гадючий выползок в зарослях гариги, когда почувствовал на себе взгляд путника. Оглянулся. Глаза человека и собаки встретились.

Ноам медленно присел на корточки. Нескладный и веселый, пес медленно подошел враскачку, широко размахивая хвостом.

— Ну привет, дружище! — прошептал Ноам на забытом наречии, хорошо понятном псу.

В ладонь ему уткнулась теплая влажная морда. Ноам потрепал пса по спине, почесал ему грудь. Пес любовно вздохнул. Они обменялись долгим взглядом, будто после разлуки. Пейзаж исчез. Время остановилось.

— Ты один разгуливаешь?

Сморщив бархатный лоб, пес взглянул на Ноама и закатил глаза, отчего физиономия его сделалась печальной.

— Ты хочешь очаровать меня...

Обрадованный пес безудержно отдался ласкам, забыв собачий стыд.

— Роки! — раздался хриплый окрик.

Пес с сожалением отпрянул от Ноама.

— Роки!

Пес послушно рванул на хозяйский голос к зарослям можжевельника и исчез.

Ноам так и сидел в оцепенении на корточках. Встреча с собакой оказалась для него важнее встречи с людьми.

Кто его приветил? Кто обрадовался встрече с ним? Искренняя доброжелательность сверкнула только в собачьих глазах.

Он пробурчал: «Ноам, ты кончишь мизантропом».

И побрел дальше. Мизантроп. Это слово его уже не пугает. Осуждает себе подобных лишь тот, кто ждет от них лучшего. Ненавидит людей лишь тот, кто их любит.

А вот и крыши, это уже пригороды Бейрута.

Какое имя себе придумать? Какую национальность? Как ему стать незаметным? Раз он не в курсе последних событий в Ливане, на извечных подмостках всех конфликтов и примирений, он должен собрать нужную информацию до того, как к нему подступят с вопросами. Он знает по опыту, что самая невинная фраза может подвергнуть его смертельной опасности.

После его прошлого посещения город заметно разросся. Железобетонные кубы. Простенькие пятиэтажки. Понятное дело, городские окраины не блещут архитектурными изысками. Между постройками ржавеют

бульдозеры, уныло провисают провода, зияют помойные контейнеры и баки, приглашая воронье к пирушке.

Ноам растерянно остановился на перекрестке. Какой шум и гам! Вдобавок к пальбе отбойных молотков и ворчанию генераторов, питающих квартал электричеством, грузовики, автомобили, мотоциклы и мопеды стараются обставить друг дружку по децибелам, а распахнутые окна квартир выплескивают на полную катушку ошметки радио- и телепередач.

Он бесцельно брел к центру города. Прохожие толкались, такси сигналили, привлекая клиентов.

Ноам рассеянно смотрел на женщин и машинально преследовал их, замороженный стройными силуэтами. Когда женщины оборачивались, он опускал глаза и шагал в другую сторону.

Нет, это не должно повториться! Он злился, когда сознавал, что с ним происходит.

В который раз, увидев женщину со спины, он надеялся, что это Она! И всякий раз, когда та оборачивалась, сокрушался, что не Она.

Гоня эти мысли, он пытался присмотреться к городской суете.

Горожане вертели в руках те же маленькие коробочки, какие он заметил возле пещер. Ноам довольно быстро сообразил, что это телефоны, но беспроводные. Невроятный прогресс за несколько десятилетий! Но почему люди вглядываются в телефон, даже когда не говорят по нему? Пристроившись за спиной бейрутки, поглощенной своим занятием, он обнаружил, что на устройстве мелькают цветные картинки. Более того, без карандаша и клавиатуры девушка составляла на экране сообщения, набранные идеальным шрифтом.

Он задумчиво продолжил путь.

Перед зданием школы лицеисты, усевшись по-турецки на асфальте, блокировали уличное движение. На их плакатах красовался слоган: «Нет будущего — нет уроков!» Ноам обошел лысого журналиста с камерой на плече — тот спрашивал у школьников:

— Чего вы добиваетесь вашим движением?

— Это не движение, это забастовка, — отвечал подросток на безупречном английском языке серьезным, уверенным и мужественным голосом, так плохо вязавшимся с его хрупким телосложением. — Мы бойкотим уроки, чтобы привлечь внимание взрослых, мобилизовать население, призвать политиков к ответственности. Зачем нам учиться, если будущего нет?

С невинной детской небрежностью он посчитал разговор оконченным и присоединился к товарищам; журналист бросился за ним:

— А вы не преувеличиваете? Не делаете из мухи слона?

— Преувеличивают те, кто закрывает глаза и затыкает уши, вкалывает как подорванный, руководит, голосует и потребляет, будто все нормально.

— Вы подражаете молодежи Европы и Америки!

— Именно так. Молодежь всей Земли противостоит старикам всей Земли.

— Конфликт поколений? Молодежь против стариков?

— Осознанность против безответственности.

— Вы объявляете войну?

— Слишком поздно: обе стороны уже проиграли.

Раздалась молитва муэдзина.

Ноам двинулся дальше. Он уловил напряжение, но не понимал ни сторон, ни их целей. Ему надо поскорее разобраться, что тут затевается.

Мне нужны деньги.

Лавируя между пешеходами по запруженным улочкам, он миновал диспансер Сент-Ирене и подошел к кофейне с чарующими ароматами; напротив — покосившаяся лавчонка, придавленная тяжестью потеснившего ее здания.

Уф, на месте!

Над лавочкой с опущенными шторами не было никакой вывески, крошечная дверца вела в полуподвал.

Три ступеньки вниз; Ноам толкнул створку двери, та поначалу заупрямилась, потом вдруг уступила, запуская многоголосый перезвон колокольчиков. Ноам пригнулся, чтобы не стукнуться о притолоку, и оказался на складе, освещенном зеленоватыми неоновыми лампами. Склад был уставлен запертыми витринами, под их стеклом лежал разношерстный товар: были тут и ювелирные изделия, и столовое серебро, и стеклянная посуда, и фарфоровая, и целая коллекция давешних беспроводных телефонов.

— Что господину угодно?

Из недр помещения выкатился жирный щекастый продавец с редкими черными напوماженными волосами, зачесанными на низкий лоб, его глазки-буравчики сверлили посетителя, а на лиловых губах гуляла nepостижимая улыбка.

Ноам энергично сбросил рюкзак на стойку, жестом, который на всех широтах читается одинаково: «Эй, не вздумай мне парить мозги, или тебе не поздоровится».

Брови продавца взметнулись.

Не разжимая губ, Ноам вынул из кармана кольцо, покатав в сжатом кулаке, раскрыл ладонь:

— Вот.

Торговец подцепил кольцо своими пальцами-сосисками — выражение лица было призвано означать благовоспитанность — и елеёно промурлыкал:

— Колечко досталось вам от вашей матушки, ведь так?

Скептическая гримаска сделала его лицо и вовсе кукольным.

— Нынче такие не в моде. Никто не берет! Эта оправка, отделка, стиль... — Он ухмыльнулся. — Такое мне не загнать никогда! А вот камушек...

— Рубин.

— Да...

— Крупный рубин.

— Не слишком...

— Крупный рубин.

— Конечно, маленьким его не назовешь...

— Не надейтесь меня отыметь. Я консультировался с вашими коллегами.

Мордастый вперился в Ноама и пробурчал:

— Знаете, как называют мое заведение? Пещера Сорокá. И знаете почему? Али-Баба и сорок разбойников.

И нацелил в Ноама толстенький указательный пальчик:

— Вас сорок, я один. Вы все заменимы, я — нет.

— Считаете меня разбойником?

— А вы меня — скупщиком краденого?

Они вприщур оглядели друг друга. Развитие сюжета было известно Ноаму наизусть. Он продолжил:

— Я показал кольцо...

— Вашей матушки...

— Моей матушки... другим ценителям. В Дамаске. В Никосии. В Валетте. В Стамбуле.

Продавец обеспокоенно хрюкнул:

— Вы не спешите?

— Не спешу заключить плохую сделку. Сколько вы предлагаете?

Толстяк машинально посучил пальцами, перебирая невидимые банкноты.

— В американских долларах?

— Разумеется! — подтвердил Ноам, не имея на этот счет никаких соображений.

Продавец закатил глаза, его зрачки пометались туда-сюда, подобно костяшкам счетов, и объявил:

— Двадцать тысяч долларов.

— Вы ювелир или торговец побрякушками?

— Мое слово: двадцать тысяч.

— Сорок тысяч!

— Двадцать пять тысяч.

Ноам молча забрал кольцо, обтер его и двинулся к выходу. Он переступил порог, колокольчики звякнули, торговец взвизгнул:

— Тридцать пять тысяч!

Ноам на прощание обернулся. Хозяин бросился к дверям и вставил ногу в дверной проем:

— Согласен, сорок тысяч!

Они ударили по рукам, и Ноам проглотил внезапный выхлоп пачулей. Пыхтя, лебезя и суетясь, хозяин пригласил гостя выпить чашечку кофе или чая. Ноам, видя оживление перекупщика и не зная истинной цены кольца, усомнился, что сделка для него удачна.

— Не назовете ли мне кого-то, кто делает паспорта?

Торговец и усом не повел, спокойно протянув ему клочок бумаги с адресом. Бейрут по-прежнему оставался перепутьем жуликов и мошенников всех мастей.

Ноам вышел наружу. Грохот улицы оглушил его, пестрота вывесок сводила с ума. Он понял, что ему надо передохнуть.

Внезапно из припарковавшегося лимузина показались точеные ножки в золотистых сандалиях.

Он вздрогнул. Он ждал появления обладательницы ножек — конечно же это Она!

Ноам в изнеможении прислонился к стене.

Ножки коснулись земли, показались прелестные бедра, гибкий стан, мелькнуло лицо... из лимузина взметнулся сногшибательный чувственный рыжий факел в сопровождении поклонника с напыженными волосами.

Не Она.

Ноам не скоро пришел в себя. Его коробило то, что он обознался, а захлестнуло его не только желание, но и страх. И что он чувствует сейчас, облегчение или разочарование?

Она, вечно Она...

Он покинул мир лишь затем, чтобы бежать от Нее... А может, теперь вернулся в него, чтобы обрести Ее вновь?

*

Он подыскал жилье. В этой приземистой рыбацкой хижине, угнездившейся возле прибрежных скал, вдова Губрил приняла его, не спрашивая ни паспорта, ни удостоверения личности. Ей не терпелось перекрыть крышу своей халупы, и легальность жильцов ее беспокоила не слишком.

— Вот код подключения к интернету, — промурлыкала она.

Ноам озадаченно взял картонку с каким-то шифром, не отважившись задать вопрос. Он прошел по коридору, расцвеченному восковой живописью, и бросил рюкзак в чистой беленой комнатке, где стояли кровать, прикроватная тумба, письменный столик, табурет и телевизор. За стеклянной дверью — узкий балкончик, на который втиснут шезлонг. С видом на море. Меблировка скромнее некуда, зато вид царский.

Ноам нащупал в кармане записку с адресом и отправился по нему, чтобы поскорее разжиться фальшивыми документами. Весь этот день, пока он мотался в поисках жилья, отельные служащие и управляющие апартаментами, заслышав про потерянные бумаги, кривили рот, а глаза их выносили неумолимый приговор: «вы проходимец» или же «вы не существуете». И долларовая бумажка, которую Ноам по многовековой традиции пытался им всучить, ничего не решала, напротив. Тенденция общества контролировать документы при всяком перемещении усугубилась с прошлого раза; система становится важнее индивидуума.

По указанному адресу Ноам подошел к домику с багровой дверцей. Позвонил, ответа не последовало. Снова позвонил. Постучал. Позвал.

Из окна высунулась раздраженная матрона с тугим пучком волос на голове:

— Закрыто. Муж в Библосе, вернется завтра.

Ноам поблагодарил и ушел. Тем хуже. И тем лучше. У него есть отсрочка, чтобы определиться с национальностью, которая позволит ему наилучшим образом пересечь это время. Он владеет двумя десятками языков и может позволить себе выбрать личину по вкусу. Заглянув в книжный магазин, он накупил штук сорок раз-

ных газет. На базаре разжился мылом, зубной пастой, галетами, гроздьё фиников и бутылкой арака.

Вернувшись в пансион вдовы в квартале Мар-Михаэль, он поднес к губам стакан анисовки, дабы отпраздновать возвращение в этот мир, потом улегся на кровати, вооружившись кипой газет и пробегая заголовки. Молодежные волнения. Всюду! По всей планете школьники и лицеисты бойкотируют занятия, студенты покидают университетские кампусы; шатаясь по улицам, они требуют принятия срочных мер против глобального потепления.

«Глобальное потепление»? Ноам не понимает, о чем идет речь.

Пролистав еще несколько статей, он уловил суть: температура на земном шаре повышается. Зона пустынь расширяется. Регионы с умеренным климатом дробятся, все чаще подвергаются ураганам и атакам летней жары. Ежедневно исчезают очередные виды растений и животных, небывалые прежде метеорологические колебания становятся обычным делом. Непредсказуемость подымает голову и правит миром. Все живое гибнет то от засухи, то от наводнений. Ноама встревожили фотографии: альпийские ледники, по которым он когда-то ходил, растаяли; белые медведи, на которых охотился, эти грозные гиганты, тощат и переселяются на окраины городов.

Ночь принесла Ноаму череду новых зловещих откровений. На Земле теперь живут восемь миллиардов человек! Восемь миллиардов потребляют электричество, качают бензин и газ, путешествуют в автомобилях, поездах и самолетах. Восемь миллиардов бросают пластиковые пакеты, которые поганят пейзаж и захламляют океаны. Восемь миллиардов увеличивают городское

пространство, сокращая ареалы растений. Восемь миллиардов требуют пищи, а Земля истощена и обескровлена. Восемь миллиардов требуют мяса, а пастбищ для выпаса животных не хватает. Восемь миллиардов делают ставку на промышленность, которая загрязняет небо, засоряет легкие, отравляет реки и озера, уничтожает флору и фауну. Восемь миллиардов загаживают космическое пространство. Восемь миллиардов думают лишь о выгоде и удовольствиях. Восемь миллиардов не желают ничего менять, хотя все вокруг меняется. Культ наживы и потребления, бешеная борьба за новые рынки, фритредерство привели к тяжким последствиям.

Ноам потер виски. Пока он прохладился в небытии, беспечное человечество очутилось на грани гибели.

Весь в поту, Ноам перечитал статьи в газетах «Ориан-ле-Жур», «Таймс», «Шпигель» и «Монд» о движении школьников и студентов. После одиночных тревожных сигналов, поданных учеными, на которые солидное общество не отреагировало, молодежь разоблачает ядовитый дар, врученный прежними поколениями: этот образ жизни подавляет жизнь, природа утратила свою природу, будущее не имеет будущего. Прежней молодежи было свойственно гневаться; нынешняя печалится и бросает учебу. Похоже, состояние планеты вопиет о банкротстве политики. При любом режиме властями движет погоня за выгодой. Сорвать куш любой ценой!

В отчаянии Ноам скидывает газеты на пол. Он знает за собой этот ребяческий жест — будто можно защититься от дурных новостей, оттолкнув источник информации, — но действительность угнетает его.

Зачем?

Зачем он «проснулся»? Чтобы столкнуться со всем этим? К чему было возвращаться в такой мир? Да, он

познал много жестокостей во время своего существования, но этот ужас изощренно ужасен...

Он включил телевизор. Увидев номер канала «31», он растерялся. Тридцать один канал? Немыслимо. Может, это название национального ливанского телеканала, скажем, связанное со знаменательной датой... Орудя пультом управления, он изумленно пролистал восемьдесят каналов; в прошлый его визит в этот мир их было два-три, не больше.

Репортажи вопят о наводнениях, тайфунах, климатических беженцах, миграции животных, дрейфе пакового льда и подмыве побережий океанами из-за повышения уровня воды.

Он выключил телевизор и вздохнул.

Сегодня он не заснет. Так и пролежит на неразобранной постели. Всю ночь будет вертеться, ожидая унылого рассвета: утро не уврачует его ран, не утишит тревогу, не пошлет ему озарения, лишь возвестит, что пора выйти из лежачего положения. Ночь обещает быть кошмарной.

И тут Ноам подскочил как ошпаренный: его поразила внезапная идея.

Он не уверен. Боится ошибиться.

А может...

Идея неотвязная, от нее не отмахнешься.

Да. Именно так. Я должен это сделать...

*

Теперь Ноаму все было не в радость. Ни сон, ни бодрствование. Ни одиночество, ни люди. Ни сосредоточенность, ни задумчивость.

Всю неделю он прожил под властью так поразившей его идеи. Несмотря на ее очевидность, он ей сопротив-

лялся; несмотря на ее мощь, он ее отвергал; несмотря на ее привлекательность, он от нее отворачивался. Вся его жизнь строилась вопреки этой идее. Если он уступит, это будет капитуляция.

Каждое утро он усаживался в бистро многолюдного и модного квартала Мар-Михаэль и заказывал лакомства: пирожки с кедровыми орешками, фисташками, корицей, миндалем, грецким орехом, кокосом, все с сахарной глазурью, и, вдыхая ароматы меда, розы и апельсина, он изучал международную прессу.

Изготовитель фальшивых документов так и не вернулся из Библоса. Его супруга всякий раз кипятилась, повторяя это Ноаму, и по ее свирепому лицу было видно, что она подозревает мужа в неверности. Ноаму приходилось ждать. Тем временем он размышлял о своем будущем прикрытии. На вопрос «Кто ты?» он с незапамятных времен отвечал ложью.

Кафешки — это душа города. Он задохнулся бы без их пространства для фантазии. Здесь, сидя под вентилятором, среди курильщиков наргиле и старых картежников, Ноам прислушивался к обрывкам разговоров. Постепенно он заметил нескольких персонажей: бездельника, который только и делал, что коротал время, вселенского спорщика, который по любому поводу разражался бранью, псевдоинтеллектуала, страстью которого был пересказ модных теорий, и истинного интеллектуала с живым и беспокойным умом. Шквал ежедневных новостей: истощение ресурсов, техногенные катастрофы, глобальное потепление.

— Вы можете нас не слушать, — соглашался интеллектуал за стойкой, — но вы не можете отрицать научные данные. Они говорят о том, что природа взорвется.

Оглавление

Пролог. <i>Перевод Е. Березиной</i>	5
Часть первая. Озеро. <i>Перевод Е. Березиной</i>	31
Интермеццо. <i>Перевод М. Брусовани</i>	295
Часть вторая. Потоп. <i>Перевод М. Брусовани</i>	325
Эпилог. <i>Перевод М. Брусовани</i>	533